

18+

Николай Трясцын

«Искра
из Пустоты»

Николай Трясцын
Искра из Пустоты

«Издательские решения»

Трясцын Н.

Искра из Пустоты / Н. Трясцын — «Издательские решения»,

Их было пятеро. Капитан, потерявший веру. Биолог, доверявший только фактам. Механик, говорившая с железом. Штурман-цинник и старый кок, знавший, что некоторые байки не врут. Они не искали чуда. Но когда «Альбатрос» попал в белый штиль и вынырнул в мире, который пел себя в бытие, чудо нашло их само. Этерия — земля, рождённая из песни. Здесь мысль становится реальностью, страх обретает плоть, а пророчество гласит: пятеро пришедших из-за морей спасут мир — или погубят его.

© Трясцын Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пролог. Штиль, которого не было в прогнозах	6
Глава 2. Сто лет спустя	9
Глава 3. Пророчество	12
Глава 4. Шпионы Колдуньи	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Искра из Пустоты

Николай Тряцын

© Николай Тряцын, 2026

ISBN 978-5-0070-9679-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пролог. Штиль, которого не было в прогнозах

Капитан Алан Грей стоял на мостике научно-исследовательского судна «Альбатрос» и смотрел на море, которого не понимал.

Вот уже три часа они дрейфовали в полосе абсолютного штиля. Не просто безветрия — неестественного покоя. Поверхность океана напоминала отполированное чёрное стекло, в котором опрокинулось небо — но звёзды в отражении складывались в созвездия, каких Алан не знал. Будто море показывало небо другого мира.

Биолог Виктор Кросс, его старый друг и неизменный спутник во всех экспедициях, опустился за борт пробоотборник. Верёвка ушла на три метра — и натянулась как струна, словно упёрлась в твёрдую поверхность.

— Алан, — тихо позвал Виктор, и капитан услышал в его голосе редкую, пугающую ноту: учёный столкнулся с тем, чего не мог объяснить. — Здесь нет глубины.

Механик Елена Штерн, которую все звали Ржавчиной за вечно испачканные мазутом руки и рыжеватые волосы, подошла к лееру и сплюнула в воду. Плевков растёкся по поверхности, но круги не пошли — вода осталась неподвижной, будто плёнка.

— Двигатели работают, винты крутятся, — доложила она хмуро. — Но мы стоим на месте. Я такого не видела со времён той истории в Саргассовом море, только там были водоросли, а тут...

— А тут — ничего, — закончил штурман Маркус Белл, не отрываясь от навигационного планшета. Экран рябил помехами, координаты скакали: минуту назад прибор утверждал, что они находятся в точке с координатами 0.00, 0.00, что было технически невозможно. — GPS сошёл с ума. Компас показывает на все стороны сразу. Мы либо в центре магнитной аномалии, либо...

— Либо мы уже не совсем здесь, — закончил кок Джо Риверс, выглядывая из камбуза. Толстяк Джо редко говорил что-то, кроме меню на ужин, но сейчас его круглое лицо было бледным и серьёзным. — Я сорок лет хожу в море, капитан. Такое бывает только в байках старых рыбаков. «Белая вода», «мёртвый штиль», «врата»... Называют по-разному. Но всегда одно: корабли пропадают. Или возвращаются через сто лет с командой, которая не постарела ни на день.

На мостике повисла тишина.

Алан обвёл взглядом свою команду. Пять человек. Пятеро взрослых, битых жизнью людей, которые не верили в сказки. Виктор — биолог-эволюционист, сухой рационалист. Елена — инженер до мозга костей, для которой любая «магия» была просто неизвестной физикой. Маркус — штурман, циник и скептик, переживший три развода и не веривший ни во что, кроме карт и хронометра. Джо — простой морской волк с золотым сердцем и минимумом образования. И он сам, Алан Грей — капитан, который пятнадцать лет назад потерял жену и с тех пор искал в море то ли забвения, то ли ответов.

— Предлагаю сохранять спокойствие и продолжать наблюдения, — произнёс Алан твёрдым голосом, хотя внутри у него всё сжалось в тугой узел. — Виктор, продолжай заборы. Елена, проверь двигатель ещё раз, может, есть вибрация, которую мы не замечаем. Маркус, связь.

Маркус хмыкнул и развёл руками — связи не было никакой, даже аварийный канал молчал, забитый густым, тяжёлым шумом, похожим на дыхание спящего великана.

Именно в этот момент Джо, который всё ещё стоял на палубе, вдруг вскрикнул.

— Капитан! Смотрите!

Все высыпали наружу.

Горизонт исчез.

Небо и море слились в сплошную серую пелену, в которой не было ни верха, ни низа. «Альбатрос» висел — иначе не скажешь — посреди абсолютной пустоты. Винты всё ещё вращались, но звук их стал глухим, приглушённым, будто корабль обернули в толстый слой ваты.

А потом пришёл Звук.

Это был не звук в обычном понимании. Он не имел источника и не воспринимался ушами — он звучал сразу везде: в костях, в крови, в зубах. Низкий, глубокий, вибрирующий гул, который постепенно складывался в мелодию. Голос.

Кто-то пел.

Виктор побелел. Елена схватилась за поручень так, что побелели костяшки. Маркус выронил планшет, и тот, ударившись о палубу, погас.

Алан стоял, замерев, и слушал. Песня была незнакомой, но странно родной — будто он знал её всегда, с самого рождения, просто забыл. Она говорила о чём-то огромном и древнем, о свете, который пробивается сквозь тьму, о звёздах, которые ещё не зажглись, о мирах, которые ещё не родились.

И вдруг — тьма начала расступаться.

Сначала появилась точка света — крошечная, как булавочная головка. Потом она выросла, запульсировала, задышала. И из этой точки, как из семени, начал прорастать мир.

Море — настоящее, живое, синее — расступилось под килем «Альбатроса». Корабль качнуло, и он заскользил по волнам, спускаясь с невидимого склона в новый, только что рождённый океан.

Над горизонтом поднималось солнце — первое солнце этого мира. Золотое, молодое, яростное. Оно заливало светом водную гладь, и в этом свете команда увидела берег — длинную полосу земли, покрытую травой и цветами, каких никто из них никогда не видел.

А на берегу стоял Он.

Существо было огромным — с добрый дом высотой. Тело его было покрыто чешуёй, переливающейся в лучах восходящего солнца всеми оттенками золота и меди. Огромные глаза, глубокие и тёмные, как ночное небо, смотрели прямо на корабль. В пасти, усеянной зубами, длинными, как вёсла, что-то мерцало — будто там горела звезда.

Существо открыло пасть — и Песня стала громче. Теперь они слышали слова — не человеческие, но понятные, как биение собственного сердца:

«Я есмь Орфей, Зодчий Света. Я был в начале и буду в конце. Я пропел — и твердь отделилась от вод. Я пропою ещё — и этот мир наполнится жизнью. Вы, пришедшие из-за кромки бытия, будьте свидетелями. И помните: то, что вы принесёте с собой, станет частью моего творения».

Алан обернулся к своим людям. Елена смотрела на существо с благоговейным ужасом. Джо стоял на коленях и беззвучно шевелил губами. Маркус тряс головой, будто пытался проснуться. И только Виктор...

Виктор Кросс, биолог и рационалист, смотрел на Зодчего расширенными от ужаса глазами, и в глубине его зрачков Алан увидел что-то тёмное. Что-то, чего там не было минуту назад.

То был страх.

Обычный человеческий страх перед неведомым. Но в этом новорождённом мире, где материя ещё не застыла, где мысль и чувство обладали силой физического закона, этот страх не остался незамеченным.

Он сорвался с души Виктора, как капля грязи срывается с весла, и упал в молодое море Этерии.

И там, в глубине, где ещё не затвердело дно, где жизнь только начинала теплиться, эта капля страха нашла приют.

Прошли годы. Пройдут столетия. Команда «Альбатроса» ещё не знает, что они застряли в этом мире надолго — что время здесь течёт иначе, и чтобы вернуться домой, им придётся пройти через все эпохи, которые Этерии только предстоит пережить. Они ещё не знают, что станут легендой, о которой будут слагать песни говорящие звери. Они ещё не знают, что та тёмная капля страха вырастет и обретёт имя.

Имя это будет — Морвейн Безлика.

А пока — корабль причаливает к берегу, и Орфей, склонив голову набок, разглядывает пятерых людей, судьба которых только что намертво переплелась с судьбой целого мира.

— Добро пожаловать в Этерию, — произносит Зодчий Света. — И да начнутся ваши приключения.

Глава 2. Сто лет спустя

«Альбатрос» вынырнул из серой пелены так же внезапно, как и исчез.

Одну секунду вокруг была всё та же пустота, пронизанная далёкой Песнью, — а в следующую корабль качнуло на высокой волне, и в лицо Алану ударил ледяной ветер.

Снег.

Везде был снег.

Он падал с низкого, свинцового неба густыми хлопьями, облеплял снасти, леера и рубку, скрипел под ногами, мгновенно нарастая сугробами на палубе. Море вокруг — тёмное, почти чёрное — дышало холодом, и с горизонта доносился отдалённый гул ломающегося льда.

— Что за... — выдохнула Елена, выскакивая из машинного отделения. На ходу она натягивала штормовку, но ветер всё равно пробирал до костей. — Мы же только что были... где мы вообще были?

— В другом мире, — тихо ответил Виктор, не оборачиваясь. Он стоял у борта и смотрел на приближающийся берег. Лицо его было серым, и дело было не только в холоде. — Ты видела то же, что и я, Ржавчина. Не притворяйся, что это был сон.

Елена замолчала. Она тоже помнила. Они все помнили.

Орфей. Зодчий Света. Огромное золотое существо, поющее мир в бытие. Рождение океана, первого солнца, первой земли. И слова, обращённые к ним — незванным гостям из другого измерения.

«Вы, пришедшие из-за кромки бытия, будьте свидетелями...»

— Сколько прошло времени? — спросил Маркус, поднимаясь на мостик с навигационным планшетом в руках. Планшет по-прежнему не работал — экран показывал лишь белую рябь. — Для нас — минут пятнадцать. А для... этого места?

Ответ пришёл с берега.

Корабль медленно дрейфовал к земле, подгоняемый течением, и вскоре они разглядели причал — старый, деревянный, полуразрушенный. За ним поднимался лес — но не зелёный, как в прошлый раз, а белый, скованный льдом. Деревья стояли голые, покрытые коркой замёрзшего сока, и ни одна птица не пела в их ветвях.

На причале стояло существо.

Оно было маленьким — не выше человеческого ребёнка, но явно взрослым, если судить по седой бородке и морщинам на лбу. У него были козлиные ноги, покрытые рыжеватой шерстью, маленькие рожки, пробивающиеся сквозь шапку снега, и огромные, печальные глаза.

Фавн.

— Гости... — прошептал фавн, и голос его дрогнул. Он явно не верил своим глазам. — Неужели... Древние Мореходы? Из легенды?

Алан первым прыгнул на причал. За ним — остальные. Джо предусмотрительно захватил с камбуза багор — на случай, если существо окажется враждебным. Но фавн не выглядел опасным. Он выглядел так, будто увидел призраков.

— Мы... — Алан замялся, не зная, что сказать. — Мы были здесь раньше. Очень давно. Тогда здесь было лето и пел Орфей.

Фавн вздрогнул, услышав это имя.

— Орфей... — выдохнул он. — Вы знаете это имя. Вы действительно те самые. О Зодчий, я думал, это просто сказки, которые рассказывают старики у очага...

Он вдруг упал на колени — прямо в снег — и склонил голову.

— Простите, Древние! Я не признал вас сразу. Меня зовут Мишистый Рог, я хранитель Западного причала. Того самого, который... который не использовался с тех пор, как пришла Белая Колдунья.

— Белая Колдунья? — переспросила Елена, помогая фавну подняться. — Погоди, приятель. Давай по порядку. Какой сейчас год? Сколько мы отсутствовали?

Мшистый Рог посмотрел на неё с жалостью — так смотрят на человека, которому предстоит услышать плохие новости.

— С тех пор как Зодчий допел Песнь Творения и вы уплыли за край мира? — он покачал головой. — Сто лет, госпожа. Сто зим.

Повисла тишина. Только ветер выл в голых ветвях.

— Сто лет, — повторил Маркус одними губами. Его лицо, обычно насмешливое, сейчас было бледным. — Дома нас, наверное, уже похоронили.

— Если время там вообще идёт, — заметил Виктор. — Мы не знаем, как работает этот... переход.

— Сейчас это не важно, — оборвал его Алан. Он повернулся к фавну. — Мшистый Рог, расскажи нам всё. Кто такая Белая Колдунья? Где Орфей? И почему здесь вечная зима?

Фавн поёжился — и не только от холода.

— Это долгая история, капитан... э-э... как мне вас называть?

— Алан Грей. Капитан Алан Грей. Это моя команда.

— Капитан Грей, — фавн попробовал имя на вкус, будто пробуя старое вино. — Вам лучше пройти в мой дом. Здесь небезопасно. У стен есть уши — в прямом смысле. Колдунья обратила некоторых зверей в своих шпионов. Они слышат всё, что говорится под открытым небом, и доносят ей.

Он повёл их по заснеженной тропе в глубь леса. И по дороге рассказал.

Оказалось, что через несколько лет после того, как «Альбатрос» исчез в серой пелене, в Этерию пришла Она.

Никто не знал, откуда она взялась. Одни говорили — из-за Северных гор, где никогда не тает лёд. Другие шептались, что она поднялась из глубин океана, из той самой капли тьмы, что упала в море в день Творения. Третьи — и таких становилось всё меньше — утверждали, что она явилась из другого мира, как и Древние Мореходы, но принесла с собой не любопытство, а жажду власти.

Она назвалась Морвейн. Позже её стали звать Безликой — потому что никто не мог запомнить её лица. Оно всё время менялось, текло, как воск в огне, и каждый видел в нём то, чего боялся больше всего.

Она пришла не с мечом, а со словами. Сладкими, как мёд, и липкими, как паутина. Она говорила, что Орфей обманул жителей Этерии, что он создал их лишь для забавы, а сам бросил. Что мир принадлежит тем, кто осмелится его взять. Что свобода — это отсутствие законов, а сила — единственное мерило правды.

Многие послушали её. Многие — нет. Но те, кто отказался склониться, однажды проснулись от холода.

Морвейн наложила на Этерию заклятие Вечной Зимы.

Сто лет здесь не было весны. Сто лет снег падал и падал, не тая. Реки замёрзли до дна. Поля покрылись ледяной коркой. И самое страшное — Морвейн сделала так, что зима никогда не сменялась Рождеством. Праздников не было. Надежды не было. Было только ожидание — бесконечное, холодное, безрадостное.

— Но почему Орфей не остановил её? — спросил Виктор. В его голосе звучало искреннее недоумение. — Мы видели его силу. Он пропел мир в существование. Неужели он не может справиться с одной колдуньей?

Мшистый Рог остановился у порога своего дома — маленькой, но уютной норы, вырытой под корнями старого дуба. Дверь была круглая, зелёная, с медной ручкой в виде львиной головы — странно тёплый штрих в этом ледяном царстве.

— Никто не знает, — тихо сказал фавн. — Орфей не показывался с тех пор, как пришла Морвейн. Одни верят, что он покинул Этерию. Другие — что он умер. Третьи — что он ждёт.

— Чего ждёт? — спросила Елена.

— Вас, — просто ответил фавн и открыл дверь.

Глава 3. Пророчество

Внутри было тепло. В камине потрескивал огонь, на полках стояли книги в кожаных переплётах, а на столе, накрытом скатертью в красно-белую клетку, дымился чайник. После ледяного ада снаружи этот дом казался кусочком рая.

Мшистый Рог усадил гостей за стол, разлил по кружкам горячий травяной чай (Джо тут же принялся изучать состав — кокская привычка) и продолжил рассказ.

— Есть пророчество, — сказал он, понизив голос до шёпота. — Древнее, ещё со времён вашего первого появления. Его сложил сам Орфей, и оно высечено на Каменном Столе в центре Этерии. С тех пор, как пришла Морвейн, она приказала уничтожить все копии, но мы, фавны, помним. Мы всегда помним.

Он откашлялся и произнёс нараспев — странным, речитативным голосом, от которого у всех пятерых пошли мурашки по коже:

«Когда зима сотрёт сто вёсен без следа, Когда надежда станет тоньше льда, Из-за морей придут пять дочерей и сыновей, Не дети телом, но душой детей.

Не править миром — мир освободить, Не победить мечом — собою заплатить. Когда предательство пронзит им грудь, Зодчий вернётся, чтобы мир вернуть».

Он замолчал. В камине треснуло полено.

— «Пять дочерей и сыновей», — медленно повторил Маркус. — Нас как раз пятеро. И мы пришли «из-за морей», тут не поспоришь.

— «Не дети телом, но душой детей», — задумчиво добавил Виктор. — Что это значит?

— Я думаю, это о том, как мы воспринимаем этот мир, — сказал Алан. — Мы пришли сюда без предубеждений. Мы увидели Этерию новорождённой и приняли её такой, какая она есть. Взрослые на такое редко способны. Им нужно всё объяснить, классифицировать, вписать в рамки. А мы просто... смотрели.

— Хорошо, — перебила Елена. — Допустим, это мы. Но дальше — «предательство пронзит им грудь». Это уже не метафора, капитан. Это звучит как конкретное предсказание.

— И неприятное, — буркнул Джо.

Мшистый Рог развёл руками:

— Пророчества никогда не бывают приятными, господин Джо. Но они всегда сбываются — так или иначе. Я думаю, вы здесь не случайно. Зодчий Света призвал вас обратно, чтобы вы помогли нам.

— Но как? — спросил Алан. — Мы не воины. Мы учёные, моряки, механик, кок... Мы не умеем сражаться с колдуньями.

— Орфей не просит вас сражаться, — покачал головой фавн. — Он просит вас быть. Довериться. И, возможно, — он взглянул на Маркуса, и в этом взгляде мелькнуло что-то странное, почти предостерегающее, — пройти через тьму, чтобы обрести свет.

Маркус ничего не ответил. Он смотрел в окно на падающий снег, и на его лице застыло выражение, которого Алан никогда раньше не видел. Тоска пополам с обидой.

Штурман думал о том, что не говорил вслух.

Он помнил слова Орфея в день Творения: «То, что вы принесёте с собой, станет частью моего творения». И ещё он помнил, как Виктор — не он, Маркус, а именно Виктор — уронил в молодое море каплю страха. Но Маркус тоже кое-что уронил. Не в море — в собственную душу. Тогда, стоя на палубе «Альбатроса» и глядя на Зодчего, он подумал: «Почему он? Почему Он может творить миры, а я не могу? Почему одним дана власть, а другим — лишь подчинение?»

Это была маленькая мысль, крошечная, как семя сорняка. Но в земле Этерии любые семена прорастали.

Морвейн Безликая знала о таких семенах. Она умела их находить.

И Маркус Белл был её следующей целью.

Глава 4. Шпионы Колдуньи

Ночь опустилась на Этерию — такая же белая, как день. Солнце здесь не садилось и не всходило по-настоящему; оно просто тускнело на несколько часов, становясь бледным диском за плотной пеленой облаков, а потом снова разгоралось до тусклого зимнего свечения. Мишистый Рог уступил гостям свою спальню и гостиную, а сам устроился в кресле у камина, завернувшись в мохнатый плед.

Команда «Альбатроса» лежала вповалку на наспех сооружённых постелях из еловых веток и одеял — уставшие, сбитые с толку, но странно возбуждённые. Никто не мог уснуть. — Значит, так, — произнёс Алан в потолок, заложив руки за голову.

— Давайте подведём итоги. Мы в параллельном мире под названием Этерия. Здесь есть говорящие животные и фавны. Мир создан существом по имени Орфей, которое поёт реальность в бытие. Сейчас здесь правит колдунья, которая устроила вечную зиму. Есть пророчество, в котором, судя по всему, говорится о нас. И мы, взрослые, битые жизнью люди, должны как-то помочь местным жителям свергнуть тиранку.

— Звучит как сценарий для фильма категории «Б», — фыркнул Маркус с другого конца комнаты. — Звучит как полный абсурд, — согласился Виктор.

— Но факты — упрямая вещь. Мы видели Орфея. Мы видели сотворение мира. Мы только что разговаривали с козлоногим аборигеном, который налил нам чай и прочитал стихи. Отрицать реальность происходящего — не научный подход.

— Научный подход, — горько усмехнулась Елена. — Вик, твой научный подход уже однажды подвёл нас. Это твой страх создал Колдунью, помнишь?

В комнате стало тихо. Очень тихо. — Откуда ты знаешь? — глухо спросил Виктор. — Догадалась, — ответила Елена. — Я видела твоё лицо там, на палубе, когда Орфей говорил о том, что мы принесём с собой. У тебя был вид человека, который только что уронил вазу в музей и надеется, что никто не заметил.

Виктор сел на своей импровизированной постели. В темноте блеснули стёкла его очков. — Ты права, — сказал он после долгой паузы.

— Я испугался. Я учёный, Елена. Я привык, что мир подчиняется законам. А тут — существо, которое поёт вселенные... Это выше моего понимания. И я испугался. А в этом мире, как мы уже поняли, страх материализуется.

— Мы все чего-то боимся, — спокойно произнёс Алан. — Я боюсь, что больше никогда не увижу дом. Джо боится, что мы умрём с голоду — я слышал, как он пересчитывал консервы. Елена боится, что «Альбатрос» сломается и мы застрянем здесь навсегда. Маркус...

Он не закончил. Маркус сам закончил за него — резко, зло: — Я боюсь, что мы здесь никому не нужны. Что мы просто пешки в чьей-то игре. Орфея, Морвейн, пророчества — какая разница? Нами играют, капитан. Как фигурами на доске. И мне это не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.